

СЕМЕЙНЫЕ РОДОСЛОВНЫЕ: ФУНКЦИИ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО

Харченко В.К.

The four functions of the proper nouns are distinguished in the genealogical texts in the aspect of genre originality: identifying, text generative (cumulative), myth creating, emotional evaluative, conventional chronological and stimulating.

Key words: genre, genealogy, proper noun, identification, myth creating, cumulative.

У статті визначено, що в аспекті жанрової своєрідності в текстах сімейних родоводів виділяються шість функцій власних назв: ідентифікаційна, текстотворювальна (кумулятивна), міфотворча, емоційно-оцінна, умовно хронологічна і спонукальна.

Ключові слова: жанр, родоводи, власна назва, ідентифікація, міфотворчість, кумулятивна функція.

Функции имени собственного далеко не новый предмет исследования лингвистики имени [2, с. 21; 5, с. 273; 6, с. 16–17], однако, постулируя взаимосвязь языка и жанра, мы заинтересовались функциональной спецификой имени собственного в жанре ранее не исследованном – в семейных родословных, то есть свободных по форме изложения текстов на тему “История моей семьи”. Авторами таких сочинений выступали студенты различных факультетов Белгородского государственного университета и слушатели Белгородского филиала Орловской академии государственной службы. Архив собранных текстов насчитывает около тысячи единиц (2002–2009 гг.). Фрагменты некоторых сочинений и послужили материалом для наблюдений за “поведением” имени собственного в функциональном аспекте. Рабочая гипотеза такова: в семейных родословных сочетаются функции имени собственного, употребляемого в семейном дискурсе, с функциями, порождаемыми самим жанром, хотя первая группа функций также претерпевает некоторые изменения.

Исследователи (В. Бланар, А. Суперанская и др.) для имени собственного выделяют специальные функции, которые хорошо иллюстрируются текстами родословных:

1. Функция имени собственного – указание на родство: именно антропоним позволяет отличить родственников от не родственников: *Перелистывая странички семейной истории, я узнала, что корни моей семьи крестьянские, трудовые, что соединились в ней роды Поповых, Сидоренко, Борисовых, Левочкиных (П.Н.В.).*

2. Функция имени собственного – легализация человека в обществе – очевидно, самая первая функция имен, связанная с их присвоением имени каждому новорожденному: *Вскоре у них появился первый ребенок, девочка. Они долго думали, как ее на-*

звать: и Маша, и Катя, и Соня. Но по решению главы семейства решено было назвать дочь Снежаной. Как сказал папа, чтобы инициалы были красивыми, три буквы “С.С.С.”, и звучало хорошо. Решили и решили, никто не был против, получали поздравления с рождением дочери Снежаны. Но когда пришло время оформлять документы, папа приехал в ЗАГС, а ему и говорят: “Может, посмотрите еще книгу с именами и поменяете имя ребенку?”. Папа долго думал, но все-таки решил посмотреть. И выбрал редкое тогда имя Карина. По приезду домой ничего никому не сказал, и только спустя несколько дней узнали, что ребенка называли Каринной, а не Снежаной. Как вы уже поняли – это я (С.К.С.). Легализацию личности, “включающую в ряд случаев информацию о родственных отношениях, происхождении и положении в обществе” А. Суперанская называет экстралингвистической функцией, поскольку цель, с которой проводится легализация личности, экстралингвистична [5, с. 274–275].

3. Функция имени собственного – указание на социальное положение, принадлежность человека к определенному классу, определенной социальной группе: *Ее звали Ольга, но она была из простой крестьянской семьи, это была девушка с ясным и искренним сердцем... Общаясь с Оленькой, Сергей Павлович все больше привязывается к ней (Н.Е.А.).* Обратим внимание на противительный союз после имени: *Ее звали Ольга, но...*

Разумеется, обозначенные исследователями функции, хотя и иллюстрируются текстами родословных, однако ярче и чаще просматриваются не в тексте, а в жизни. Что же текст?

Анализ материала позволил нам выделить следующие шесть функций личного имени в жанре семейной родословной: иде-

нтифицирующую, текстообразующую (кумулятивную), мифотворческую, эмоционально-оценочную, условно хронологическую и побудительную. Из этих выделенных функций новыми являются мифотворческая и условно хронологическая, им мы уделим особое внимание, но рассмотрим все по порядку.

Важнейшая для антропонимов в любой ситуации, в любом дискурсе *функция идентификации* явно претендует на первое место, лидирует и в семейных родословных. Особенно наглядно эта функция проявляется, когда повествование включает микро-тему: “осталось только имя, высеченное на камне”. *Ничего не осталось и от другого моего прадеда Григорьева Ивана Алексеевича, рядового, погибшего в 1943 году в Каменно-Подольске. Осталась лишь добрая память о нем и имя, высеченное на камне, на мемориале погибшим воинам в селе Верхопенье Белгородской области Ивнянского района (Г.Е.В.)*. Утрата имени воспринимается как страшная утрата при потере близких. *Мама всегда вспоминает, как их – малышей – везли в каких-то глубоких санях. Был страшный мороз, много снега, какие-то бескрайние поля и леса. И они – ребята, оставшиеся без пап и мам, без сестер и братьев, без имен и фамилий, они лежали на дне саней, укрытые каким-то брезентом, тулупами и шинелями, чтобы не замерзли (К.В.А.)*.

Значимость чего-либо ярко проступает в ситуациях отсутствия не только объективного, как в приведенном примере о детях, направляемых в детский дом, но и “субъективного”, то есть отказа от представления имен именно как знаков идентификации членов семьи. В нашем каталоге родословных есть несколько сочинений, написанных несовершеннолетними убийцами – воспитанницами Новооскольской колонии для девочек. Из 13 сочинений только в одном приведены фамилии, имена и отчества родственников, в трех работах указаны имена сестер и брата, в одной – дяди Германа, еще в одной – бабушки Луизы, сын которой тоже отбывает наказание. В остальных сочинениях практически во всех рассказываемых эпизодах имена и фамилии отсутствуют. *Семнадцать лет тому назад родилась я. Но, к сожалению, или к счастью, не знаю, но женщина, которая меня родила, воспитывать меня не захотела. Оставила в роддоме, а мама с папой, которые воспитали меня, забрали и вырастили. О том, что я неродная дочь, узнала от папы. С этой мыслью я смирилась и даже рада, что так все сложилось. У меня замечательные родители (К.О.Ю.)*. В командном отсеке, в котором находилось семнадцать человек, было всего лишь восемь костюмов для всплытия. Ребята

всплывали по двое, а в лодке остался тот самый командир, который приставил дуло к голове моего отца <...> отец пытался открыть дверцу задраенного загоревшегося люка <...>, который не сберег своих ребят, оставшись вместе с ними навечно на дне Балтийского моря (А.М.) [Мы не уверены, что это реальная, а не приписанная родственнику история].

Странно было бы ожидать именных и географических подробностей в текстах авторов, совершивших преступления, но боязнь идентификации, психологическая конспирация – это лишь половина проблемы. Видимо, имя в языковом сознании взрослого ребенка не становилось положительной, надежной психологической опорой. Не называя имен и отчеств, мам хвалят, за мам держатся, но ни в одной работе не проскочило ни одного деминутива, ни одного ласкового семейного прозвища, что вспоминают (или указывают по воспоминаниям родителей) авторы многих других исследуемых текстов: *Успела поддержать на руках свою правнучку, ласково называя ее Варюшей. Это была я. Мне было два месяца (Ш.В.И.)*. *Старшая сестра, ее все называли Машунька за ее доброе сердце, помогала младшей растить детей и внуков (Бут.Е.А.)*. Московский психолог В. Нуркова с аспиранткой К. Василевской исследовала по тюрьмам, что именно помнят о собственной жизни заключенные. Оказалось, что помнят они себя с 13–14 лет, а то, что ранее, – им вроде не нужно. “Они функционально не могли пользоваться этим ресурсом” [1, с. 79–80]. Не исключено, что еще и этим объясняется и скудность именования близких у наших заочных респонденток – авторов родословных.

Вернемся к основному блоку материала. Иностраный термин “идентификация” несколько затушевывает суть обозначаемой этим термином функции: имя здесь не только как способ выделения в кругу подобных, но еще и как презумпция реального бытия, права на место под солнцем. *Я ношу имя не прадеда даже, а его отца, человека, которого я никогда не видел и не знаю о нем ничего. Все это дает мне потрясающее ощущение, уверенность, что я есть, я буду. И это не родословная, нет. Это жизнь (Ч.Б.И.)*.

Чем еще интересна функция идентификации в жанре повествования о собственной семье? Рассмотрим типичный отрывок из родословной. *Но, несмотря на трудности, бабушка воспитала всех восьмерых: Виктора, Александра, Лидию, Ивана, Валентину, Татьяну, Николая и Михаила – моего отца. Их дети, мои двоюродные братья и сестры: Наталья, Александр, Юрий, Виталий, два Сергея, две Екатерины, Татьяна, Елена,*

Маргарита, Юлия (К.И.М.). Трудно представить, что это отрывок из художественного текста, где все внимание главному герою, тогда как в родословных наблюдается феномен равнозначной идентификации через именование детей одного поколения. И такие перечни весьма типичны для жанра.

Функцию идентификации нередко берут на себя негативные прозвища односельчан: дед *Хорек*, *Сукориха*. Но что интересно в родословных, так это то, что наблюдается совмещение функции идентификации с эмоционально-оценочной функцией в позитивном ее проявлении: *Во всем селе ее иначе, как **Аннушкой**, никто не называл* (А.В.И.). *Мать, Ефимия, – мастерица на все руки: и шила, и вязала, и ткала, и вышивала. Не было дела, с которым она бы не справилась. Звали ее в деревне **Химочкой*** (К.Е.С.).

Функция идентификации связана с таким признаком родословных, как наличие инсталляций (ксерокопий фотографий, почтовых грамот, вырезок из газет). Упоминания о материальных свидетельствах реального бытия личности проникают и в сам текст родословных. *Прадед был известным в городе портным и до сих пор у родителей хранятся его визитки, словно сошедшие с черно-белого экрана кинематографа, где среди затейливых вензелей написана фамилия **“Тонковъ”*** (М.В.Е.).

Помимо функции идентификации мы выделяем вторую, весьма значимую функцию имени собственного в жанре семейных родословных. Это *текстобразующая*, или, в другом терминологическом регистре, *кумулятивная* функция, связанная с накоплением и, главное, удержанием, сохранением информации, вращающейся вокруг имени близкого человека. *Дедушка, **Петр Тихонович Яковенко**, был хорошим художником. Он рисовал картины на старых одеялах с пейзажами и русалками, которые пользовались большим спросом в селах. Их развешивали вместо ковров* (Р.Е.Г.). Как видим, к имени предка привязан в памяти факт весьма интересный и исторически, и этнографически. Имя близкого человека “требует” хоть какого-то рассказа о нем, этика имени сопрягается с этикой памяти о судьбе родственника. *Учеба и открываемые ею горизонты очень привлекали **Ивана** и в то же время отдаляли от сверстников. Даже летом, пася коров, он не ставался с книгой. За это он не раз оказывался бит соседскими ребятами. Но уже вовсю полыхала беспощадная гражданская война. Иван в четырнадцатилетнем возрасте был забран в Красную армию телеграфистом. Где-то на Украине налетевшими махновцами **Иван Григорьевич** был зарублен за своим телеграфным аппара-*

том (Р.А.А.). В родословных прослеживается закономерность: нельзя упомянуть имя, фамилию, отчество, ничего не написав об этом человеке. Даже списочное перечисление имен в многодетной семье, как правило, сопровождается небольшим рассказом о каждом. Связь имени и нарратива чувствуют сами респонденты, когда сожалеют, что не сохранилось имени предка: ***Дядя Вася закончил школу и уехал учиться в ФЗО, а мама совмещала учебу с воспитанием и присмотром маленького еще тогда моего будущего крестного, единственного оставшегося в живых из восемнадцати детей бабы Дони после голода двадцатых и тридцатых годов.** <...> **Бабушка Елена** известна как домохозяйка и тем, что во время голода организовала детский дом из оставшихся сирот. **Отец мой Василий Тимофеевич** родился в двадцать первом году, в возрасте трех лет он оказался под столом во время родительского гнева и был замечен только после того, как стол разлетелся в щепки. В результате пережитого шока он оглох и впоследствии стал глухонемым.* <...> Проверяли на соответствие заболеванию выстрелами над ухом, причем неоднократно (А.И.В.).

*...В 1942 году зашли к ним в дом немцы и один поднял ее на руки и сказал: “У меня точно такая же дочь есть”. **Прабаба Гарпына** накормила их киселем и картошкой в мундирах, а они забрали у них деревянную ложку и ушли. Это все сохранилось еще тогда, в ее детской памяти* (Е.И.В.). *Через 19 лет я узнала, что она не умерла, как это сказано в свидетельстве о смерти, а ее продали за однокомнатную квартиру и новенькую “Волгу”. Мама по сегодняшний день ждет и верит, что найдет свою **Машу*** (П.О.Ю.).

С кумулятивной функцией не все просто: воспоминаниями, как известно, не поуправляешь. Но это касается феномена запечатления [3]: картинка, врезавшаяся в память, обычно типичная, повторяющаяся, позитивно системная: бабушкины блины, запах сена, прохлада раннего утра. Однако к имени родственника авторы “прикрепляют” далеко не только запечатленные любопытные мелочи (например: в бабушкином тапочке родились мышата, а бабушка не разрешала тревожить эту идиллию), но и кое-что поважнее.

Во-первых, это события великой трагической, драматической, знаковой силы. *27 июля 1941 года, не дождавшись положенного срока, родилась у Федя, Тани и Кати маленькая сестренка – слабенькая и беспомощная. Страх оказаться перед угрозой выживания толкнул Ульяну на страшный поступок. Собрав детей, она*

поехала на станцию Готня и оставила девочку на привокзальной скамье в надежде, что найдутся добрые люди, которые смогут приютить и поднять на ноги ее дитя. / Уходя со станции, сквозь пелену слез увидела Ульяна, что куда-то запропал сын Федор. Поддавшись вначале панике, она успокоилась, увидев недалеко сына с каким-то свертком в руках. Подойдя ближе, услышала Ульяна Прокопьевна мольбу сына: “Мама, не оставляй сестричку! Давай заберем ее домой. Я буду помогать тебе, а с ней делиться хлебом!” / Заплакала Ульяна, прижала к груди сына и новорожденную дочь и поняла, что чуть не совершила страшную и непоправимую ошибку / Так Верочка стала самой младшей и самой любимой в семье Пискловых (Н.С.В). В начале тридцатых годов, когда моей бабушке было около двенадцати лет, их семью раскулачили. Забрали дом, который отдали под сельский клуб, и всю живность. Прадеда **Николая** сослали в глубокую тайгу <...> и к детям, и к самой **Анастасии** стали относиться очень плохо. Бабушка вспоминала, что, когда, играя с **младшим братиком Василием**, они подходили близко ко дворам своих односельчан, то их дети прогоняли малышей палками и даже плевали им вслед (К.Л.В.). Во время ВОВ **дед Гришка** был офицером и находился на фронте. Когда в его родное село Иловка пришли немцы, им откуда-то стало известно, что в этом селе живет семья офицера. Его жену, **бабу Полю** успели спрятать с 3-мя маленькими детьми (самому маленькому был год). Спрятали их в яме односельчане, яму заложили бревнами и засыпали сверху землей. В своем вынужденном заточении прабабушка просидела трое суток. Когда миновала опасность и ее вытащили, дома у нее уже не было: сожгли фашисты. Приютили родственники (Х.И.Н.). Но вскоре **Таусия Михайловна** развелась и вышла замуж уже довольно поздно. Второй муж тоже хотел детей, и в 46 лет она родила моего отца, как это часто бывает при поздних родах, с осложнениями. Когда она родила, ей сообщили, что ее ребенок умер. Но она не поверила и пошла в морг искать его. Когда нашла, то стала прикладывать к груди и вскоре он стал подавать признаки жизни (С.Д.Е.). ...А младший **Леонид** родился одновременно с моей старшей сестрой **Тамарой**. Мама моя пошла работать через два месяца после родов, и бабуля своей грудью выкормила и внучку, и сына (Л.Г.И.).

Семейные предания сохраняют факты, которые иначе бы не были сохранены. Где-то впереди промелькнуло “во-первых”. Во-вторых, о текстообразующей функции имен собственных мы судим, когда излагаются

события неординарные, позволяющие более объемно представлять факты повседневности, события-прецеденты: овдовевший отец один растил и вырастил восьмерых (!) детей; полгода жили одни (и выжили!) осиротевшие трое детей, старшему 8 лет, младшему – 2 года. Сами авторы выделяют и удивляются знаковой детали в судьбе семьи. Например, вопреки традиционному наставлению “лучше узнать друга друга” встречаем: *Мои родители встретились в городе Липецке, они учились в одном училище. История создания их семьи была удивительна. Они встречались всего лишь один день, а на следующий день подали заявление в ЗАГС. Через некоторое время родилась моя сестра Лена, спустя шесть лет родилась я. Мои родители живут вместе до сих пор, уже тридцать два года (Б.Л.).*

Анализ значительного числа родословных позволяет выделить еще одну весьма интересную функцию имен собственных – наименований лица в жанре повествования о собственной семье, а именно мифотворческую функцию. Имя собственное достаточно часто обрастает мифологемами, соотносится с древнейшими структурами нашего мышления, с мифотворчеством. Мифотворческая функция имени проявляется в следующем:

1. В устойчивом интересе к символике имени: *Я в семье самая младшая. Зовут меня Потеряхина **Ольга Владимировна**. Имя мне выбирали всей семьей. Остановились на **Ольге**, так как основное значение этого имени “священная” (П.О.В). Мне очень нравится это имя [**Екатерина**], ведь с греческого языка оно переводится как “чистая, непорочная”. (Б.Е.Ю.).*

2. В ситуациях гадание на имя суженого: *Когда моей прабабушке Арине было восемнадцать, в ночь перед Рождеством, как принято по старому русскому обычаю, незамужние девушки собирались погадать. Использовали разные способы гадания: кидали сапоги, смотрели в зеркало, желая увидеть в нем своего суженого, спрашивали у прохожих имена. Моя прабабушка вышла на улицу и спросила у первого проходящего мужчины имя. Его звали **Павел**. <...> Прошло несколько месяцев, Арина уже забыла про гадание. Был теплый апрельский день, мать послала Арину в соседнюю деревню за молоком (так как у них не было коровы). На обратном пути она встретила незнакомого парня, который предложил ей помочь донести тяжелую сумку, она согласилась. Они познакомились и разговорились. Парня звали **Павлом**, он проводил ее до дома, и они договорились встретиться на следующий день. Только когда пришла домой, Арина вспомнила про*

рождественскую ночь (про прохожего, которого звали **Павлом**). Встретившись с **Павлом**, она рассказала ему эту забавную историю, на что **Павел** очень серьезно ответил, что это судьба. Через три месяца они поженились (Л.Е.Ю.).

3. Мифотворческая функция имени или фамилии проявляется в поиске и обнаружении соответствий в судьбах членов семьи. *Всех, кто носит фамилию **Ларичкиных**, преследует странная случайность: у них рождаются только девочки. В Людмиле это проявилось настолько, что, нося фамилию мужа Владимира Болванова, родила дочерей. Лилия сейчас уже замужем и ждет своего первенца, и я не удивлюсь, если это будет еще одна мать, продолжательница рода (Б.Е.). По странному обстоятельству моих **обеих бабушек зовут Раями**, и когда я говорю “моя бабушка Рая”, меня не понимают. И еще одна особенность наших семей: **у обеих бабушек по четыре ребенка** <...> В обеих семьях младших сыновей зовут **Александром** (Парх.Е.).*

4. Мифотворческая функция имени проявляется в ситуациях, когда решение соединить судьбу подкрепляется еще и тождеством или созвучием имен: После долгой болезни в 1960 году умерла бабушка **Матрена**, перед этим родив двойняшек, мальчиков, но они прожили всего неделю. В доме нужна была хозяйка, трое детей остались без материнского присмотра, и дедушка Алексей сошелся с женщиной, которую **тоже звали Матрена, Матрена Ивановна**. Своих детей у нее не было, сироток она полюбила как своих, всегда хорошо к ним относилась (П.Н.Н.). Устроившись на работу в шахту, он встретил свою любовь, мою бабушку. Их имена были созвучны друг другу **Павел и Полина**, так называли они друг друга всю жизнь (С.С.В.). В жены **Павел** Иванович взял себе девушку из своей деревни. Она была из простой семьи, звали ее **Прасковья**. Девушка работала на ферме, доила коров / Так и началась семейная жизнь двух человек с **одинаковым именем – Паша** (С.О.И.).

5. Мифотворческая функция имен и фамилий проявляется также в уже упоминавшейся традиции сбережения легенд о происхождении фамилии основателя рода, даже если это легенда с криминальным сюжетом. ...А проезжие купцы объезжали обе деревни **Перебуховку и Теребино** стороной. Существовала легенда, что тех, кто проезжал здесь, убивали **обухом** по голове и грабили (**теребили**) их обозы. А фамилия **Мишениных** произошла оттого, что они крали **мишени** у стрелкового полка (М.И.Г.). В нашей семье верят, что **Афонин** – это от места проживания. Ведь

вотчина моя – село **Сафоновка** <...> Название свое оно берет от боярыни **Сафоновой**, имение которой находилось на месте нынешнего села (Аф.О.Н.).

6. Мифологическая функция имени проявляется в выстраивании проекций имени (или фамилии!) на внешность или род занятий. ...И вот теперь папа назвал меня. Дедушка, конечно, был не против, куда уж деваться. А мама была очень сильно удивлена, она 7 дней называла меня **Викушей, Викторией**, а оказалось, что меня зовут **Наталья**. Я считаю, что имя мне выбрали удачно. Мне 27 лет и сколько раз я знакоилась, я всегда спрашивала, угадайте, как меня зовут, и мне отвечали, что или **Нелли**, или **Наталья**, потому что **другое имя мне не идет** (П.Н.Н.). Маленькая дочка, родившись, была **маленькой копией своей бабушки и вопроса выбора имени даже не стояло** (Л.Г.И.). В происхождении моей фамилии – **Белоусов** нет ничего необычного. Она говорит сама за себя. Может быть, это совпадение, но в нашей семье нет никого с волосами **“жгучего” черного цвета** (Б.К.И.). Отец **Бондаренко Стефан Петрович** недаром носил такую фамилию. Он был известным на всю округу **бондарем**, делал ложки, кружки, миски, бочки (Р.Ж.С.).

В последние годы появились исследования о связи памяти и воображения, в которых доказывается, что необходимость предвидения ситуаций (воображение) требовала накопления фонда прецедентов, то есть развития памяти. Воображение первично, память вторична. В этом плане можно предположить, что мифотворческая функция имени отвечает инстинктивному стремлению личности развивать энергию воображения.

Следующая функция имен собственных в жанре семейных родословных – **эмоционально-оценочная**, доставшаяся “по наследству” из внутрисемейного дискурса. Проявляется эта функция, во-первых, в отражении внутрисемейного величия близкого человека: **дед Митроша, дедушка Филя, прабабушка Любаша, дед Прокоша, Пуся (Прасковья Гавриловна), баба Нюня (Анна), бабушка Мотя**... Во-вторых, эмоционально-оценочная функция имени собственного в жанре семейных родословных реализуется в озвучивании красоты самого имени родственника. *У меня тоже есть малыш. Ему уже три года. Зовут его **Захар** – красивое русское имя (Т.Т.В.). Судьба прабабушки по маминной линии тоже очень интересна. У нее было **очень редкое и интересное имя Харитинья** (З.С.В.). Мой дед являет собой образ настоящего русского богатыря, с русыми волосами, голубыми, как небо, глазами, с **красивым русским именем Павел** (С.С.В.).*

*Кстати, мою прабабушку звали **Матрена**, а тетку моего дедушки **Агриппина**. Я очень хорошо помню их имена, они **такие красивые и очень редкие** (С.Л.). Через два года после моего рождения в нашей семье появился мой брат. Мама и папа называли его **Романом**, так как считали, что это мужественное, серьезное, вполне достойное мужское имя (К.О.И.).*

В-третьих, эмоционально-оценочная функция имени собственного проявляется в фактах распространения имени на другие объекты. *Дед был нелюдимым, но внуков (меня и сестру) обожал. Он часто возился в саду, скрещивал разные сорта яблок, новые назвал **“Андрей”** и **“Натasha”** в нашу честь (М.А.В.).*

В жанре семейных родословных мы выделяем еще одну интересную и социально значимую функцию имен собственных, которая вытекает из ведущей функции идентификации, но связана непосредственно с необходимостью развертывания повествования о судьбе предка. *Бабушка Мария Григорьевна родилась в 1916 году. Работать начала с 14 лет в колхозе. В 1939 вышла замуж за дедушку Колю. В 1940 г. родилась моя мама **Любовь Николаевна** (В.Н.И.). Бабушка на указанные моменты рождения, замужества, разумеется, еще не была бабушкой. Вторая героиня повествования, родившаяся девочка, лишь много лет спустя стала именовать Любовью Николаевной, стала мамой. Приведенный отрывок весьма и весьма типичен как наиболее удобная манера изложения в семейных родословных. Такую функцию имен собственных можно обозначить как условно хронологическую, или “точкоотсчетную”. *Одна из дочерей – прабабушка Катя вышла замуж, родила троих детей, но очень тяжело болела и рано умерла. Прадедушка Алеша женился во второй раз на очень хорошей женщине, она и стала воспитывать детей как своих собственных (О.Ю.).**

Полагаем, что в родословных отражена и побудительная, “воздействующая” функция (ее еще называют апеллятивной), свойственная, как правило, неофициальным именованиям лица. Выбор определенного варианта неофициального имени зависит не только от симпатий называющего, но и от его интенций, желания оказать воздействие на именуемого, пишет С. Потапова, на материале немецкого языка исследуя структуру и семантику прозвищ [4, с. 36]. Приведем из родословных выразительный пример воздействующей функции имени: *Загорелые, босоногие, неугомонные внуки часто доставляли деду с бабой много хлопот. Задерутся, бывало, двое, как воробы, а бабуля начинает перебирать их по именам, да с шутками-прибаутками,*

пока, наконец, назовет нужное имя. Все смеются, за животы хватаются, а там, глядишь, и “воробы” засмеялись. Вот и конфликт исчерпан (Р.Е.Ю.).

Как видим, несмотря на то, что антропимические единицы выполняют общую функцию именования, именам собственных присуще функциональное разнообразие при кажущейся функциональной однородности.

Жанр семейных родословных требует, однако, разграничения функций имени собственного – наименования лица в ситуациях а) величания по имени, б) имянаречения, в) рассказа о носителе имени, поскольку, во многом совпадая, эти функции частично различаются.

Функции имени собственного в ситуациях величания по имени: идентифицирующая функция, социализирующая, этическая, побудительная, эмоционально-оценочная.

Функции имени собственного в ситуациях имянаречения: идентифицирующая функция, социализирующая, культуротворческая, мифотворческая.

Функции имени собственного в ситуациях рассказа о носителе имени: идентифицирующая, кумулятивная, условно-хронологическая. Так три функции или, как выше было сказано, шесть? Дело в том, что, помимо “чистого” рассказа о семье, о роде (с тремя выделенными сейчас графически функциями имени собственного), родословные содержат и многочисленные “следы” семейного величания, и сюжеты про наречение именем. За счет всего этого и “набегают” шесть функций. Чем объясняется функциональная многослойность имени собственного? Известно, что конкретная лексика лучше запоминается, но на проблеме понимания это заметно не сказывается. Г. Лейбниц отмечал: “Справедливость не видят так, как видят лошадь, но понимают ее не хуже, а скорее даже лучше”. Имена собственные (не автономные, а индивидуальные) отличаются “сверхконкретностью”, а это еще более усложняет понимание их своеобразия на фоне обычного нарицательного слова.

Литература

1. Балла О. Искусство памяти: личная версия / Ольга Балла // Знание – сила. – 2004. – № 1. – С. 78–82.
2. Бондалетов В.Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
3. Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о человеке в компании птиц и зверей / В.Р. Дольник. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 206 с.
4. Потапова С.Ю. Номинация лица в обиходном дискурсе / С.Ю. Потапова. – Ярославль: МУБиНТ, 2003. – 276 с.

5. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 366 с.
6. Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте : учеб. пособ. / О.И. Фонякова. – Л., 1990. – 103 с.